

RU

Переосмысление проблем каролингской истории в трудах французских историографов конца XVI – начала XVII века

Кулешова Е. В., Старостин Д. Н.

Аннотация. Цель исследования - показать, что в результате публикации Пьером Питу (1539-1596) анналов, хроник и документов по истории раннего Средневековья, в том числе касающихся вопроса детронизации Людовика Благочестивого в 830 г., французские эрудиты значительно пересмотрели свои оценки каролингского периода, существенно снизив его значимость в истории французской монархии. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе сочинений французских историков конца XVI - начала XVII века как свидетельств смены исторической парадигмы. В результате доказано, что монархи каролингского периода перестали восприниматься как модель благочестивой королевской власти, что привело к переосмыслению роли Франции в западноевропейском средневековом сообществе.

EN

Reinterpretation of Carolingian Renaissance in the Works of French Historiographers of the End of the XVI – the Beginning of the XVII Century

Kuleshova E. V., Starostin D. N.

Abstract. The research objective involves justifying the thesis that Pierre Pithou's (1539-1596) publications on early medieval history (records, chronicles, documents), in particular, on dethroning of Louis the Pious in 830, influenced considerably French érudites' understanding of Carolingian Renaissance and its role in the history of French monarchy. Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of French historians' works of the end of the XVI - the beginning of the XVII century through the prism of historical paradigm changes. As a result, it is proved that Carolingian monarchs were no longer perceived as a model of godly royal power, which resulted in reinterpretation of France's role in medieval West European society.

Введение

Несколько поколений исследователей, изучавших проблему изменения парадигмы историописания в эпоху перехода от позднего Средневековья к Возрождению, неоднократно подчеркивали принципиальную важность появившихся в распоряжении гуманистов той поры источников, происходивших из античной Греции и Византии. Для понимания процессов, связанных с переходом от Поздней Античности к Средневековью, наиболее значимым на тот момент стало сочинение «О войнах» Прокопия Кесарийского (500-565), переведенное, а по сути, пересказанное на свой манер, Леонардо Бруни (1370-1444), а для понимания отправной точки формирования античного общества важное значение приобрели перевод «Анабасиса» Фукидида, выполненный Клодом де Сейсселем (1450-1520), и ряд других переводов.

Благодаря в том числе и зафиксированному в эпоху Возрождения всплеску интереса к античным авторам сформировалось восприятие гуманизма как периода перехода от традиционной священной христианской истории, созданной на основе хроники Евсевия в переводе Иеронима, к совершенно другому типу исторического повествования, ориентированному на ранее неизвестные на Западе греческие или хорошо забытые латинские источники. Новое историописание, называемое «эрудитским» или, как сейчас принято писать в современных исследованиях, «историей-знанием», значительно отличалось от того типа историй, которые сложились в раннем и высоком Средневековье (Савельева, Полетаев, 2003, с. 46). Гуманисты Италии, а следом за ними Франции, Англии и Священной Римской империи, уделяя внимание новым источникам на древнегреческом и латинском языках, много размышляли об античной истории и характерных для нее

формах организации общества, в первую очередь о греческом и римском полисах и лишь отчасти об империи.

Рост интереса к историческим свидетельствам как к доказательству существования более высокой, идеальной формы политического устройства, которую гуманисты видели в полисе, вызвал во Франции желание, в свою очередь, подчеркнуть позитивные аспекты французской монархии, указав на ее грамотное и стройное устройство, основанное на принципах не просто единовластия, а правления короля в согласии со знатью и церковью. В новейших исследованиях подчеркивается значимость работ французских гуманистов для формирования идеи монархии в процессе складывания идеологии абсолютизма.

В период XVI – конец XVII века историки постепенно преодолели ограниченность средневековой историографии и сформировали новую точку зрения на историю королевства франков, которая поддерживала особенно актуальную (в контексте ограниченных успехов, а иногда и прямых неудач французских операций в ходе Итальянских войн) идею об особой роли Франции в Европе (Starostin, Kuleshova, 2016). Одновременно произошел постепенный переход от созданных итальянскими гуманистами концепций истории к концепциям, центром в которых была именно Франция как идеал европейского устройства власти (Кулешова, 2018).

Наличие среди французских историков того периода большого количества профессиональных юристов и чиновников королевской администрации свидетельствует о том, что история Средневековья стала во Франции частью «идеологии», системы представлений о власти и месте, занимаемом королевством в Европе (Huppert, 1970, с. 185-193; Grell, 2012, с. 402; De Smet, 2006, с. 204). Считается, что именно в это время сложился т.н. «галльский обычай» (*mos gallicus*) в изучении истории, особенность которого в отличие от итальянской гуманистической и других западноевропейских традиций состояла в том, что во Франции историки сумели сочетать филологические изыскания с интересом к реальным историческим процессам.

Таким образом, историей занимались люди, хорошо образованные в области филологии, близко знакомые с гуманистическими идеями и к тому же имевшие связи с королевскими чиновниками, членами Парижского или одного из местных парламентов (Kelley, 1970, с. 112-115). Статус профессионального историка во Франции отсутствовал, вместе с тем юристы и чиновники королевской администрации часто примеряли на себя эту роль (Huppert, 1970, с. 185-193; Grell, 2012, с. 402; De Smet, 2006, с. 204). Нарождающееся национальное самосознание нашло свое отражение в ученой полемике (Jouanna, 1982). Таким образом, формирование исторической науки раннего Нового времени во Франции было напрямую связано с формированием нарративов легитимации королевской власти в контексте создания нового типа монархии.

В настоящем исследовании показывается, что в рамках приверженности идее французской монархии историки Франции совершили значительную переоценку раннесредневекового периода западноевропейской истории и в особенности эпохи правления королей франков из династии Каролингов. Более того, в результате использования вновь найденных или заново введенных в оборот источников они вынуждены были отойти от привычки (явно связанной с восприятием французских побед в Столетней войне) строить повествование только вокруг восхваления военных побед французских королей от Хлодвига и до Людовика Святого над своими противниками.

Изменение точки зрения привело к признанию того факта, что Франция имела своим началом существовавшее при Людовике Благочестивом (814-840) Западно-франкское королевство, бывшее частью общеевропейской империи и значительно улучшившее свое положение при сыне императора Карле Лысом. Но ситуация, в рамках которой Франция воспринималась лишь как часть империи, была сразу скомпенсирована П. Питу (1539-1596), издавшим документы по детронизации Людовика Благочестивого его сыном Лотарем I, что снизило пафос имперской идеологии и сделало актуальным вопрос о том, кто же все-таки представлял Францию в Средние века и какова была их истинная идентичность в контексте отношений с империей и папством.

Недавние исследования подтвердили уникальность материалов, опубликованных П. Питу (Booker, 2005, с. 90). Мы же ставим своей целью показать, что они, вероятно, способствовали изменению тона исторического повествования и привели к переоценке каролингского периода, вследствие чего французские историки стали уделять больше внимания общеевропейской значимости истории Франции и понимать тонкости взаимодействия королей франкского королевства с папством в общеевропейском контексте, а также научились быть более сдержанными в своих комментариях относительно прямых французских военных операций.

Основная часть

Не стоит забывать, что формирование новых исторических нарративов возникло в контексте появления новых форм социального после распада «сакрального тела» средневекового общества (Уваров, Согомонов, 2001). Становление методов историописания в период раннего Нового времени обычно ассоциировалось исследователями с появлением интереса к оригинальным источникам (Huppert, 1970). Традиционно эталоном этой смены мировоззрений считались итальянские мыслители XV-XVI веков, изменения взглядов которых брались за основу периодизации развития истории как науки.

Видный гуманист, достигший поста канцлера Флоренции, Леонардо Бруни первый решился ввести в научный оборот «Историю войн» Прокопия Кесарийского, по сути просто пересказав ее своими словами на латинском языке. В своем знаменитом сочинении «История Флоренции» он также интерпретировал источники таким образом, чтобы показать, что этот город был создан еще в период республиканского Рима, и тем самым подчеркнуть значимость для его истории республиканских традиций в римскую, средневековую, но самое главное – в современную для него эпоху первой половины XIV века (Connell, 2012, с. 352).

Опираясь на ставшие доступными ему источники, Леонардо Бруни полностью отошел от концепции истории Европы, в которой ее северная заальпийская часть (Галлия, Британия и те государственные образования, которые появились здесь в Средние века) играли хоть какую-то роль. Обращаясь к истории Флоренции, он стремился сделать из этого города модель политического устройства для Западной Европы в духе Геродота, Фукидида и Тита Ливия (Sabrini, 2010, с. 130).

Таким образом была задана новая историческая география Европы, в которой землям к северу от Альп уже не отводилось никакого значимого исторического места. В каком-то смысле, в трудах Леонардо Бруни возобладала точка зрения, которую с определенной долей условности можно назвать «византийской», считавшей историю регионов вне Средиземноморья малоинтересной.

Первые работы по истории франкского королевства или имевшие отношение к нему использовали уставший круг источников. Итальянец-гуманист Паоло Эмилио (1455-1529), автор сочинения *De rebus gestis francorum* (1516) («О деяниях франков»), в котором были заданы новые стандарты историописания и продемонстрирован более высокий стилистический уровень, опирался на хорошо известные в Средневековье источники, хотя и осуществил их критический анализ, отвергнув легенды (Grell, 2012, с. 394). Переосмысление давно используемых источников, в первую очередь таких как труды Григория Турского, привело в работе Паоло Эмилио к переоценке меровингского периода. Источники по каролингской истории, например «Деяния императора Людовика», еще не были достаточно известны, и Паоло Эмилио не пользовался ими и не вносил в свое сочинение на их основании никаких комментариев.

В сочинении эльзасского гуманиста Беата Ренана (1485-1547), который отверг легенду о троянском происхождении франков и одним из первых стал рассматривать их как германцев, также уделялось много внимания Поздней Античности и меровингскому периоду. Причиной того, по всей вероятности, был тот факт, что именно в это время гуманисты, например Конрад Пейтингер (1465-1547), ввели в оборот ряд ключевых работ по истории варварских миграций, прежде всего Иордана и Павла Диакона (Peutinger, Jordanes, Paulus Decanus, 1515). Беат Ренан в значительной степени повлиял на Жана Дю Тилле (1500-1570), который практически полностью воспринял не только его идею, но даже саму структуру его книги и обращался абсолютно к тем же источникам (Beatus Rhenanus, 1531; Brown, 1998, с. 378; Skovgaard-Petersen, 2002, с. 150-151; Du Tillet, 1578).

Еще дальше вглубь прошлого шагнул Этьен Пакье (1529-1615), обратив внимание на галльские корни французской истории и рассмотрев обычаи галлов как лежащие в основе франкского королевства, а затем и самой Франции (Pasquier, 1560). Можно предположить, что свои построения о галлах в Поздней Античности он черпал из Аммиана Марцеллина, первое издание которого вышло еще в 1474 г. и отличалось значительными неточностями в коньектурах, а затем было опубликовано со всеми ошибками Иеронимом Фробениусом в 1518 г. и перепечатано в Париже Робером Этьенном в 1544 г. (Ammianus Marcellinus, 1474; 1544). Полное и намного улучшенное издание Аммиана Марцеллина увидело свет в 1533 г. (Ammianus Marcellinus, 1533).

В качестве вывода отметим, что влияние итальянского гуманизма с его интересом в первую очередь к средиземноморским сюжетам привело к тому, что французские гуманисты, опираясь на новые издания, стали уточнять прежде всего позднеантичную историю Галлии или историю королевства франков в меровингский период.

В отличие от итальянских коллег французский гуманист Э. Пакье создал интересную концепцию истории образования на обломках Римской империи новых королевств и даже цивилизаций. История, выходящая из-под его пера, превратилась из последовательного изложения в духе средневековой хроники в предмет настоящего исследования, *dissertatio*, написанного с соблюдением высочайших требований к латинскому языку, а также имевшего цель подавать нравственный урок читателям (Bouteiller, 1945, с. 357). В своей книге 1560 г. *Des recherches de la France* («Исследования о Франции») Э. Пакье повествует о народах, которые, по его мнению, являлись соперниками средиземноморской политической общности. Речь идет о галлах, германцах и арабах, оказавших сопротивление объединительным тенденциям, исходившим из Вечного города. Таким образом, концепция Э. Пакье позднеантичной и раннесредневековой истории строилась на противопоставлении Римской империи народам, которые она не смогла полностью подчинить (Pasquier, 1560, лист 14 recto).

Однако к 1570-м гг. проблема троянского, германского или же галльского начала в истории франкского королевства и средневековой Франции стала меньше интересовать историков именно потому, что в оборот стали входить новые источники, в первую очередь Фредегар, которого уже использовал Бернар Дюгайян (1535-1610) (Fredegarius, 1568) Но, к сожалению, Бернард Дюгайян, Николя Винье (1530-1596) или позже Андрэ Дюшен (1584-1640), Габриэль Шаппюи (1546-1613) и Клод Фоше (1530-1602) так и остались в рамках дискуссии о соотношении во франкской истории римского или германского начал в период правления Мерovingов (Grell, 2006, с. 140).

К 1580-м гг. в результате находок и публикаций новых рукописей система представлений об истории Франции изменилась. Нам кажется важным обратить внимание на тот переход, который имел место в сочинениях историков в отношении истории франкского королевства в правление Каролингов. Главный тезис, выдвигаемый нами в данном случае, следующий: с изданием каролингских документов Пьером Питу и рядом других исследователей произошло не просто открытие каролингской истории для гуманистов и их читателей, сюжеты из этой истории, построенные на анализе вновь изданных документов, привели к существенному изменению взглядов историков на взаимоотношения Франции и Империи, а также Франции и Папства. В частности, поскольку Каролинги воплощали идею империи, которая в XVI веке действительно существовала

в лице Священной Римской империи, историки стали больше обращать внимание не столько на королей, как это было еще у Э. Пакье, сколько на другие аспекты идентичности франкского королевства, которые позволяли говорить о нем как о самостоятельном политическом образовании.

В ответ на возрастающее политическое давление со стороны империи Карла V и Филиппа II французские исследователи и персоны, имевшие определенный статус в иерархии власти, обратились к документам по каролингской истории, которые поставили под вопрос значимость самой идеи империи как предмета для подражания в области политического устройства. Стоит отметить, что П. Питу разыскал для своей мону-ментальной публикации анналов и хроник по истории Франции не только целые сочинения и рукописи, но также и довольно редкие документы по истории снятия титула с Людовика Благочестивого в 830 г. в результате недовольства и фактически прямого восстания против него его старшего сына Лотаря. Сочинение называлось *Acta impiae et nefandae exauctorationis eiusdem Lodovici imperatoris apud Compendium anno DCCCXXXII* («Сообщение о нечестивой и гнусной детронизации императора Людовика в Компьене в 832 году») (Pithou, 1588, т. 2, с. 136-148; Booker, 2005, с. 93, прим. 50).

Таким образом, П. Питу усилил значение этой истории, очень детально и драматично описанной каролингским историком Теганом, и фактически попытался сделать ее одним из центральных эпизодов своего сборника документов. Вкупе с историей Тегана отдельный документ о снятии императорских регалий демонстрировал не триумф империи, а наоборот, ее кризис еще в 830 г. Более того, эта подборка документов свидетельствовала о том, что сама семья Каролингов оказалась неспособна поддерживать мир в своих рядах и, соответственно, теряла для читателя или исследователя свойство символа империи или ее единства.

С учетом того, что Каролинги были австразийского происхождения и никогда не имели статуса «местной знати» в Нейстрии, можно предположить, что конфликты в их семье и детронизация Людовика Благочестивого показали, как мало они понимали возложенные на них задачи символа единства империи, на что и обратил внимание П. Питу своей публикацией. В каком-то смысле последующая история и Кьерсийский капитулярый 877 г. говорили о том, что высшим идеалом этой семьи был режим «братского правления» (Bourgeois, 1874). Публикация П. Питу сборника документов конечно же изменила ситуацию в отношении представлений об империи, поскольку стал понятен масштаб того политического лавирования, к которому приходилось прибегать династии, светским магнатам и иерархам церкви.

А. Дюшен в начале XVII века дал важный комментарий относительно баланса сил в каролингской империи и того значения, которое правители сыграли в определении ее курса. Его точка зрения была основана на идее главенства католической церкви в делах королевства франков. Он обращал внимание на то, что Хлодвиг был назван «сыном католической церкви» на соборе в Орлеане (Duchesne, 1609, с. 24). Основой образа всех французских королей он видел Хлодвига (Duchesne, 1609, с. 15). Королями, особо показавшими свое бесстрашие в войне, он назвал Хлодвига и Карла Мартелла, а также ряд королей Высокого Средневековья, но не каролингских правителей. Войны Карла Мартелла против сарацин рассматривались именно как религиозные войны (Duchesne, 1609, с. 52). Пипина III, Карла Великого, Людовика Благочестивого и Карла Лысого Дюшен рисовал, прежде всего, как защитников христианства, а не просто как воинов. (Duchesne, 1609, с. 28). Вместе с тем он заметил, что одним из лидеров церкви каролингской империи, оказавшим влияние на консолидацию интересов династии, клира и знати, нужно считать Агобарда Лионского, поскольку он, в отличие от семьи правителей, которая могла ссориться, четко считал именно императора, а не его сыновей, верховной властью не только над светским населением, но и над церковью. А. Дюшен, рассматривая каролингские сюжеты, видел в примате власти императора, функции которого он придавал и королям Франции, над церковью основное достижение Агобарда Лионского (779-840) и собора 829 года (Duchesne, 1609, с. 139-140).

В описании прихода к власти Пипина III Клод Фоше показал, что к моменту публикации его книги идея о лавировании франкских королей между папством, Византией и светскими магнатами стала очевидной. В частности, уже имея доступ к сравнительно большому количеству источников, он мог показать, что Римский папа Стефан II выбрал поддержку франкского майордома после длительных размышлений и после того, как ему стало понятно, что давлению лангобардского короля ему не удастся противостоять.

Таким образом, именно К. Фоше восстановил на время идею о значимости франкского королевства как самостоятельной политической единицы, с которой даже римский папа был обязан считаться. Более того, в своей версии события он обратил внимание на то, что, хотя в целом у папства были большие ресурсы и возможности лавировать между лангобардским королевством, Византией и франкским королевством, но в конкретный момент, в 751 г., у него было только одно решение – опереться на франков и поехать к Пипину III, чтобы подтвердить его коронацию. Что интересно, К. Фоше ошибался в дате визита папы, полагая, что тот произошел сразу в 751 г., и это составляло основу французского видения истории до конца XIX века, хотя на самом деле папа Стефан появился к северу от Альп только в 754 г. (Fauchet, 1610, с. 200 verso).

Заключение

Таким образом, с публикацией документов П. Питу по каролингской истории произошла переоценка значимости этого периода в истории королевства франков. Если раньше главной темой было место Галлии, а затем франков в средиземноморском мире и меровингские правители, то после опубликования сборника

источников П. Питу Каролинги стали привлекать интерес и заставили историков задуматься о сложном маневрировании франкских королей из второй династии внутри семьи и в отношениях с папством. Стало очевидно, что воспринимать Каролингов только как воинов невозможно, а это значительно уменьшило значимость Меровингов в оценке франкского королевства в целом.

Одновременно обнаружилось, что возможности идеализировать Каролингов также не было по причине детронизации Людовика Благочестивого его старшим сыном Лотарем. Поэтому понадобилось искать других людей, которых можно было бы назвать столпами королевства, оказавшими существенное влияние на его развитие. Для А. Дюшена таким человеком стал известный своим боевым характером и полемическим даром Агобард Лионский. По этой причине история королевства франков в каролингскую эпоху стала видеться как часть общеевропейской истории, и главной доблестью франков стала не столько их воинственность, сколько способность выступать в рамках общеевропейских структур власти.

Источники | References

1. Кулешова Е. В. Значение исторической и общественно-политической полемики в трактатах Клода де Сейсселя в контексте развития европейской историографии эпохи Итальянских войн // Мавродинские чтения - 2018: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2018.
2. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история: в 2-х т. М.: Наука, 2003.
3. Уваров П. Ю., Согомонов А. Ю. Парадоксы вывихнутого времени, или Как возникло социальное // Конструирование социального. Европа. 2001. Т. 16.
4. Ammianus Marcellinus. *Historiae*, Lib. 14-26. Roma: Georg Salsel und Bartholomaeus Golsch, 1474.
5. Ammianus Marcellinus. *Res gestae. Augustae Vindelicorum*: Accursius Mariangelus, Silvanus Otmar, 1533.
6. Ammianus Marcellinus. *Res gestae*. P.: Hieronymus Frobenius, Robert Estienne, 1544.
7. *Beatus Rhenanus. Rerum Germanicarum libri tres*. Basileae: Frobenius, 1531.
8. Booker C. A new prologue of Walafrid Strabo // *Viator*. 2005. Vol. 36.
9. Bourgeois E. *Le capitulaire de Kierzy sur Oise (877): Etude sur l'état et le régime politique de la société carolingienne à la fin du IXe siècle d'après la législation de Charles le Chauve*. P.: Slatkine: Megariotis Reprints, 1974.
10. Bouteiller P. *Un historien du XVIe siècle: Etienne Pasquier* // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1945. Т. 6.
11. Brown E. R. *The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean du Tillet* // *After Rome's Fall: narrators and sources of medieval history. Essays presented to Walter Goffart* / ed. by W. Goffart, A. C. Murray. Toronto: University of Toronto Press, 1998.
12. Cabrini A. M. *Macchiavelli's Florentine histories* // *The Cambridge companion to Machiavelli* / ed. by J. M. Najemy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
13. Connell W. J. *Italian Renaissance Historical Narrative* // *The Oxford History of Historical Writing: 1400-1800: in 5 vols*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. 3 / ed. by J. Rabasa et al.
14. De Smet I. *Thuanus: the making of Jacques-Auguste de Thou (1553-1617)*. Genève: Droz, 2006.
15. Du Tillet J. *Recueil des Roys de France, leurs couronne et maison, Ensemble, le rens des grands de France*. P.: Chez Jaques du Puys, Libraire iuré en l'Uniuersité de Paris, 1578.
16. Duchesne A. *Les Antiquités et recherches de la grandeur et majesté des rois de France*. P.: Jean Petit-Pas, 1609.
17. Fauchet C. *Les oeuvres de feu M. Claude Fauchet, president en la cour des monnoyes: Reveues et corrigées en ceste dernière édition*. P.: De Heuqueville, 1610.
18. *Fredegarius. Chronicon* / hrsg. von F. Ilyricus. Basileae: Petrum Pernam, 1568.
19. Grell C. *Les historiographies en France, XVI-XVIII siècles* // *Les historiographes en Europe de la fin du moyen âge à la révolution* / под ред. C. Grell. P.: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006.
20. Grell C. *History and Historians in France, from the Great Italian Wars to the Death of Louis XIV* // *The Oxford History of Historical Writing: 1400-1800: in 5 vols*. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. 3 / ed. by J. Rabasa et al.
21. Huppert G. *The idea of perfect history; historical erudition and historical philosophy in Renaissance France*. Urbana: University of Illinois Press, 1970.
22. Jouanna A. *Histoire et polemique en France dans la seconde moitié du XVIe siècle* // *Storia della Storiografia*. 1982. Vol. 2.
23. Kelley D. R. *Foundations of modern historical scholarship: language, law, and history in the French Renaissance*. N. Y.: Columbia University Press, 1970.
24. Pasquier E. *Des recherches de la France*. P.: Jean Longis, & Robert le Mâgnier, 1560.
25. *Peutinger K., Jordanes, Deacon P. the. Iornandes de rebus gothorum: Paulus Diaconus foroiuliensis de gestis langobardorum. Augustae Vindelicorum*: Ioannis Miller, 1515.
26. Pithou P. *Annalium et historiae Francorum ab anno Christi DCCCVIII ad annum DCCCCXC*. P.: Apud Claudium Chappelet, 1588.
27. Skovgaard-Petersen K. *Historiography at the court of Christian IV (1588-1648): Studies in the Latin histories of Denmark by Johannus Pontanus and Johannes Meursius*. Copenhagen: University of Copenhagen, 2002.
28. Starostin D., Kuleshova E. *French érudites and the construction of merovingian history* // *Historia da Historiografia*. 2016. № 21.

Информация об авторах | Author information

Кулешова Елена Владимировна¹, к. ист. н., доцент
Старостин Дмитрий Николаевич², к. ист. н., доц.
^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет

Kuleshova Elena Vladimirovna¹, PhD
Starostin Dmitrii Nikolaevich², PhD
^{1,2} Saint Petersburg University

¹ e.kuleshova@spbu.ru, ² d.starostin@spbu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): историография; Пьер Питу; Клод Фоше; Этьен Пакье; каролингская история; historiography; Pierre Pithou; Claude Fauchet; Étienne Pasquier; Carolingian Renaissance.